

УДК 81'33:82

ОБРАЗ ТАРАНТУЛА В ЯЗЫКЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Богатырев А.В.

Пауки издавна входили в круг пугавших человечество существ. В Европе и России особое место среди подобных фобий занимал тарантул. Впервые слово «тарантул» в написании «таранть» появилось в переводном Травнике XVI-XVII вв. Благодаря «Козмографии» XVII в. русский книжник столкнулся с апулийской особью этого паука. Лексема «тарантула» оказалась в бумагах Петра I, в переводе трудов П.С. Палласа находим слово «тарантуль». Причудливость наружности существа и самого слова, расплывчатость его значения рождали предубеждение и предрассудки. В XVIII-XIX столетиях тиражировались суеверия о «страшной» и «вредной» твари, которые со временем вытеснялись более взвешенными оценками. Образ «ужасного» тарантула известен теперь по большей части лишь как средство художественной выразительности.

Ключевые слова: историческая лексикология, историко-этимологические исследования, обозначения животных, анималистические символы, слово «тарантул», история русского языка и литературы.

THE IMAGE OF THE TARANTULA IN THE LANGUAGE AND IDEAS OF PREREVOLUTIONARY RUSSIA

Bogatyrev A.V.

Spiders have long been part of the circle of creatures that frightened humanity. In Europe and Russia, a tarantula occupied a special place among such phobias. For the first time the word “tarantula” in the spelling “tarant” appeared in the translated Herbalist between the 16th and 17th centuries. Thanks to the “Cosmography” of the 17th century, a Russian bibliophile encountered an Apulian specimen of this spider. The lexeme “tarantula” appeared in the papers of Peter I, in the translation of works by P.S. Pallas we find the word “tarantula”. The bizarre appearance of the creature

and the word itself, the vagueness of its meaning gave rise to prejudice and prejudice. In the 18th-19th centuries superstitions about “terrible” and “harmful” creatures were replicated, which were eventually replaced by more balanced assessments. The image of the “terrible” tarantula is now known for the most part only as a means of artistic expression.

Keywords: historical lexicology, historical and etymological studies, animal designations, animalistic symbols, the word “tarantula”, Russian language and literature history.

Практически любая научная работа требует экскурсов в смежные дисциплины, порой даже в те отрасли, которые достаточно далеко отстоят от генеральной линии исследования. Довольно сложно представить, что труды А. Брема (1829-1884) о жизни животных могут как-то помочь в изысканиях из области языкознания, истории языка.

Тем не менее, именно «Жизнь животных» (1863-1869) смогла пролить свет на один примечательный отрывок из «Словаря русского языка XI-XVII вв.». В иллюстрации к слову «Паукъ» значится: «Апулия... Въ той же землѣ есть звѣрь паукъ нареченной, котораго злой ядь мусийскими писками и бубнами отгоняють...» [цит. по: 61, с. 173]. Извлечение взято из «Козмографии сииречь всемирного описания земель...» XVI-XVII вв. (со списка Хронографа Н.И. Егорова), посвящено народному способу «исцеления» от укуса некоего создания.

Что за «звѣрь» подразумевался в историческом источнике, неясно – в словарной статье на месте пояснения стоит знак вопроса. А вот в «Жизни животных» Брема можно прочесть о том, что жители Италии «мусийскими» плясками и танцами в старые времена пытались лечить укус ядовитого паука тарантула. По народной традиции ужаленным играли мелодии «Pastorale» и «Tarantola» (тарантелла, от названия г. Таранто, итал. Taranto, лат. Tarentum), под которые недужные плясали до изнеможения, и с помощью музыки старались обезвредить попавшую в их организм отраву. Апулийский тарантул

(*Tarantula Aruliae*), согласно Брему, достигает весьма почтенных размеров – 37 мм в длину [8, с. 996].

Термин «тарантул» («тарантула») имеет в русском языке интересную историю. А.Н. Чудинов (1910) лишь констатирует его бытование в русской речи [71], Н.М. Шанский относит его к заимствованиям XIX в. [55]. Этой же версии придерживается Л.А. Глинкина, указавшая «тарантула» вместе с «тарантеллой» [15, с. 258]. Словарь Н.А. Еськовой помещает рядом со словом «тарантул[а]» фрагмент из произведения Козьмы Пруткова (братья Жемчужниковы, А.К. Толстой) «Кондуктор и тарантул» (1851) [23, с. 255]. Небольшой экскурс в прошлое рассматриваемой лексики сделала М.А. Королева, впрочем, не прибавив чего-то нового [32]. У В.М. Шетэли наиболее ранний пример употребления слова «тарантул» обозначен 1847 г. [73, с. 179]. Из всех подробнее углубился в вопрос Н.И. Епишкин, добавивший иллюстрации к использованию термина [22], датированные не ранее 1835 г.

Оговоримся, что сородичи итальянских тарантулов обитают не только в зарубежной Европе, но и на территории России. Жители Поволжья, например, называли их «ошугарями» (записано И.И. Лепехиным в 1769 г.) [36, с. 321], есть информация о слове «бий», которое также обозначает тарантула [41, с. 32], калмыки нарекли паукообразное «сурбага» [75, с. 84]. Вообще у калмыцкого народа имеется несколько названий для этого живого организма, они различают «манджяуга» и «паука чим ("щипок")» [5, с. 543; 33, с. 24].

Что же до заморского «тарантул», то первоначально оно писалось как «тарантъ», «тарантовъ звѣрь», «tharant», «des tharantes», в чем мы можем убедиться на примере Травника, перевода *Hortus Sanitatis* (Страсбург, 1490), выполненного «немчином» Николаем Любчанином (1534 г.) [62, с. 216]. Лексема «tarant» встречается в польском и чешском языках, но достаточно поздно. Как разъясняет А. Брюкнер, она означает масть лошадей и собак, а также относится к употреблению вина [81].

Хотя Н.М. Шанский, применительно к слову «таран», уже касался вопроса о термине «tarant» [54], мы повторим информацию еще раз, добавив

некоторые детали. Немецкое «Tharant» (Tharandt) является географическим термином – это лес и город в Саксонии (Granaten) [77, S. 654-655], кроме того «Tharant» как «богемизм» имеет связь с виноделием [79, S. 823]. Данное «словечко» применяется у евангелическо-лютеранского священника и «знахаря» М. Бапста (Michael Bapst, 1540-1603), который помещает это «нечто» между скорпионом и пауком [76, S. 47]. Еще раньше «des tharants» замечаем у поэта Генриха фон Лауфенберга (ок. 1390-1460) [78]. Понятие бытовало в раннем верхненемецком языке с XIV в., семантическое поле этой лексемы включает как тарантула, так и скорпиона («tarant») [82]. Подобное «объединение» объясняется внешним строением – наблюдатели прошлого отмечали сходство ног тарантулов с конечностями скорпиона [7, с. 104]. В итоге мы можем констатировать, что предположение М. Фасмера о проникновении «тарантула» в русский язык через немецкое посредство имеет основание [55].

Н.И. Епишкин напоминает: слово «тарантул[а]» было предложено включить в «Словарь Академии Российской» (1789-1794) еще Г.Р. Державиным (1788 г.). Сам термин как таковой в «Словарь» не попал, зато там появился «мизгирь», тоже паук, к которому было присовокуплено латинское «*Aranea tarantula*» [59, стб. 129]. Однако «мизгирь», «мезгиревъ», «мизгиревъ» [60, с. 149] обозначало отнюдь не только тарантулов, но и вообще паукообразных. В связи с тем, что понимать под «тарантулом», сохранялась некоторая интрига, в одном из лексиконов его окрестили «неаполитанской ядовитой жуком» [43, с. 1142] – очевидно, по причине обитания в норках, подобно жукам [18, с. 401]. Наконец в 1784 г. в «Зрѣлище природы и художествъ» была размещена пространная статья об этих членистоногих, озаглавленная «№ 24. Тарантула, или Земляной паукъ» [27]. «Тарантула» очутилась и в справочном издании 1796 г., где была отнесена к обитателям «Калаврии» (Калабрии) [51, стб. 2763].

Говоря о распространении рассматриваемого термина в России, следует помнить, что в «Летописи крушений и пожаров судов русского флота» под 1775 г. указан «транспортъ» «Тарантула» с подштурманом Петром Акатовым [63, с.

349]. К 1780 г. относится публикация описания путешествия графа Фалкенштейна, в котором упоминаются и «тарантулы», названные «страшными шершавыми пауками» [67, с. 531]. В 1780 г. со стапелей сошел русский военный корабль (гальот) под названием «Тарантуль» [12, с. 564]. Наречение судну было дано, по всей видимости, из-за распространенных представлений – тарантул имеет «великую скорость въ бѣгу» (1769, экспедиция П.С. Палласа) [46, с. 561].

Уже в 1738 г. понятие проявило себя в русском литературном языке [29, с. 183]. Речь идет о дневнике коллежского советника И.Я. Лерхе (1708-1780), расписывавшего события, связанные с временами русско-турецкой войны 1735-1739 гг. Лерхе вспоминает предупреждение, переданное от запорожских казаков генерал-фельдмаршалу Б.К. Миниху: остерегаться ядовитых пауков и тарантулов [4, с. 303]. По-видимому, эти два рода существ как феномены совершенно разводились авторами предостережения. Но на самом деле слово «тарантула» стало известно на русском еще раньше – в 1715 г. Альберт Себа из Голландии направил Петру Великому описание диковин своего собрания, перевод которого сохранился в Кабинете дел царя-императора. Среди «куриозов» значится и «тарантула» [47, с. 559]. Таким образом, термин использовался и ранее 1788 г.

В XIX в. имели хождение и «тарантула», и «тарантуль» [17, с. 196; 18, с. 401; 24, с. 75], наличествовали вариации «тарантила» [42, с. 99], «тарантух» [55]. Впервые как «тарантуль» это слово встречается в «русском» изложении результатов экспедиции П.С. Палласа (1769 г., напечатано в 1773 г., перевели С.И. Волков и В.Г. Костыгов) [46, с. 561]. Гораздо позже, в 1869 г., «тарантуль» отмечен в словаре вошедших в употребление в русском языке иностранных слов А.Д. Михельсона [40 с. 488].

Сохранялась доля неопределенности в истолковании понятия. В документальных записках эпохи русско-персидской войны 1826-1828 гг. тарантулы отнесены к числу «смертоносныхъ гадовъ» [52, с. 453]. Сестра Крестовоздвиженской общины А. Крупская писала: «Вскорѣ мы нашли три

маленькія грязныя землянки, въ которыхъ было очень много лягушекъ, тарантуль и т.п. гадовъ...» [34, с. 37]. А.Ф. Погосский в рассказе «Темникъ» включает паука в перечень ящериц, ужей, медянок [49, с. 223]. У князя А.И. Волконского отмечается, что словом «тарантул» также называли ящерицу [13, с. 92]. Еще мало знали о тарантуле, которого Г.П. Данилевский вставил в перевод «Ричарда Третьего» Шекспира, в строки «зачѣм ты сыплешь сахаръ / на этого тарантула, который / тебя своей тлетворной паутиной / такъ путаетъ?» [19, с. 157]. Теперь мы имеем точное представление: данные паукообразные не вьют паутины как таковой, а живут под землей; кроме того, у Шекспира упоминаются не тарантулы, а «bottled spider» [80, p. 59]. «Неясность» эта продержалась довольно долго, у В.А. Гиляровского тарантулы – то ли пауки, то ли раки («Трущобные люди», 1887) [26].

Когда же все-таки началась собственно «литературная» жизнь этого членистоногого в России? В 1792 г. вышло произведение И.А. Крылова «Речь, говоренная повесою в собрании дураков», где образ данного паука используется в метафорическом смысле [35, с. 369]. Герой «Эстерки» (1828) Ф.В. Булгарина, прославляя славянскую землю, особо подмечает, что в ней нет ни «волкановъ», ни тарантулов [10, с. 224]. Паукообразное используется для характеристики человеческих качеств: «деятельным, как муравей и ядовитым, как тарантул» называли А.А. Аракчеева [цит. по: 30, с. 348]. В 1870-1880-е гг. тарантул и «производные» от него выбраны в качестве псевдонимов писателями, например И.Ф. Василевским, А.П. Чеховым [38, с. 162].

«Piccola bestia» – по наименованию тарантула в Италии так назвал свои заметки о Восточном вопросе Ф.М. Достоевский. Он посвятил их смуте 1876 г. (сербско-турецкая война 1876-1877 гг.), на «паучий» манер отозвался о романисте и политике Б. Дизраэли (граф Биконсфильд). Русский писатель прибег к образу паука как к иносказанию, аллегории смуты, беспокойства в Европе, словно ужаленной этим созданием [20, с. 273-277]. «Материалы к словарю метафор» Н.А. Кожевниковой и З.Ю. Петровой дают нам и другие примеры – из Н.С. Лескова («жадный тарантул и его ехидна, обнявшиеся на

супружеском ложе, для меня исчезли», 1891 г.) и А.П. Чехова («и наш дедка-тарантул будет доволен», 1891 г.) [цит. по: 31, с. 351].

Как видим, реноме тарантула оставляло желать лучшего. Столь нелестное мнение питалось из разных источников. Хоть тарантулы и не слишком экзотичные животные (европейский ареал), они представлялись чем-то необычным. Описывая обитателей калмыцких степей, Н.В. Шелгунов отмечает: «Даже фауна тутъ иная», далее упоминая тарантулов [72, стб. 375]. Сама внешность тарантула как довольно крупного паука не вызывала доверия. В «Словаре Академии Российской» облик его местной разновидности описывается довольно внушительно: «Земляной паукъ, изъ крупнѣйшихъ сего рода, весь покрытый волосами, грудь... изпещренная черными чертами... глазъ четыре отъ спины, и четыре малые съ переди; тѣло величиною съ орѣхъ...» [59, стб. 129]. Внесли свою лепту и обывательские представления об этом пауке, ложные вести о его значительной ядовитости и вредности.

Определенные истоки этой «черной легенды» нужно искать в XVIII столетии, когда о тарантулах вещали с явным страхом и отвращением (вспомним упомянутую выше публикацию Фалкенштейна). И в XIX в. о «тарантах» рассказывали множество басен, например, передавали историю генерал-фельдмаршала Иоганна Георга Саксонского (1704-1770), решившего переночевать в трактире с дурной репутацией и подвергшегося нападению жуткого паука-тарантула [56, с. 109]. Н.Г. Чернышевский, рассуждая об ужасном, выделяет ужасно-возвышенное и ужасно-отвратительное. Последнее он иллюстрирует, в том числе, примером тарантула [70, с. 17]. Интересно, что Достоевского посетил ночной кошмар после прочтения «Кондуктора и тарантула» [20, с. 274], тарантул у писателя «отвратителен», связан с чем-то темным, мрачным («Идиот») [21, с. 406], назван «злым» («Братья Карамазовы») [69]. Князь В.П. Мещерский использовал слово «тарантуль» в отношении мерзкого, грязного, неприятного [39, с. 76]. В.В. Розанов в «Опавших листьях» сокрушается: «Посмотрите названія журналовъ: "Тарантуль", "Оса"... И все "жалять" Россію. Какъ-бы и куда ей запустить яда...» [57, с. 165].

Пару строк посвятим тарантелле (явление также окрестили «тарантизмом» или «тарантирком» [48, с. 181]). Как мы уже обмолвились ранее, через музыкальный мотив «тарантеллы» в старину в Европе пытались исцелить укус этого паука. Впервые же в России об этом способе лечения узнали из той самой «Козмографии» XVI-XVII вв. (неясно, однако, понимал ли тогда русский читатель, о чем идет речь). В 1804 г. «тарантелле» уделили значительное место в «Новом словотолкователе», трактующем термины, не всем понятные [44, стб. 884]. О танце сказано в статье «Музыка» – музыкальное искусство врачует ядовитое «угрызение» животного. «Тарантелла» встречается в «Письмахъ морскаго офицера» В. Броневскаго (1825) [9, с. 185], созданных на основе записей Н.В. Коробки за период средиземноморской кампании Д.Н. Сенявина 1805-1807 гг. Традиция «лечебной» пляски появляется и в связи с «Литературной газетой» А.С. Пушкина и А.А. Дельвига (1830 г.) [37, с. 185]. В поэтическом «ракурсе» южный зажигательный танец описан в стихотворении А.Н. Майкова «Тарантелла» (сочинено в 1858 г.) [73, с. 179].

Как минимум с 1860-х гг. к «тарантелле» относились с иронией, в «Жизни Кота Василия Иваныча (рассказанной имъ самимъ)» И.С. Генслера имеется комическая сценка – «есть пляска тарантелла, это когда паукъ-тарантуль захочеть попробовать васъ и испытать, не боитесь ли вы щекотки...» [14, с. 31]. Н.И. Зуев с юмором отмечал, что в XVIII в. вера в целебную силу танца в борьбе с ядом тарантула «изчезла какъ бы дуновениемъ невидимой же силы» [28, с. 335]. Э. Пименова, суммируя научные мнения о культурном феномене г. Таранто, видит в нем психическую болезнь [48, с. 182]. Обозначив представления о «лекарственных» свойствах «тарантеллы» «нелепымъ поверьемъ», В.П. Авенариус тем не менее не отказывает этому плясовому мотиву в силе, мощи, страсти [1, с. 178].

Несмотря на скепсис, и в XIX столетии о пользе «тарантеллы» в случае «укушения» тарантулом рассуждали вполне серьезно [74, с. 332]: в опасность для человека этой «зловредной бестии» истово верили. Достоевский приводит историю одного казака из Семипалатинска (Семей), якобы умершего от укуса

паука [20, с. 273]. К.Д. Ушинский рассказывает предание о том, что ядовитый южнорусский тарантул совершенно безвреден для баранов и, более того, боится этих копытных, которые им питаются [68, с. 17]. Информацию он почерпнул, вероятно, из справочного энциклопедического словаря К. Крайя [65, с. 104] (также встречаем у Г.Г. Шуберта [75, с. 84], а прежде – в «Словаре Академии Российской» [59, стб. 130]). В.А. Потто выступил с критикой заблуждения о «чудесной силе» спасавших от тарантулов «овечьих» изделий [53, с. 30], что ослабило влияние предрассудка, но не победило его полностью [50, с. 327].

С последствиями «тарантулова укушения» в России боролись разными методиками – калмыки применяли шулюм (бараний бульон), водку и нефть [33, с. 24], казаки Терской области – кислое молоко, которым пропитывали тряпки и затем прикладывали их к месту укуса [58, с. 169]. В лучших традициях гомеопатии место ранения «успокаивали» снадобьем, приготовленным из того же самого животного [64, с. 299]. Метод оказался настолько живуч, что позже попал в роман-повесть М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (создавался в период с 1925 по 1936 гг.), где приводится похожий гомеопатический рецепт [16, с. 131]. «Злокозненного» тарантула старались всячески изничтожить, для чего заливали его норки водой, или вытаскивали паукообразное из логова при помощи липкого шарика [66, с. 43] (способ приводит в «Листригонах» А.И. Куприн, очерки 1907-1911 гг.) [69].

Но со временем отношение к тарантулу менялось. Весомый вклад внесла публикация К.Ф. Кесслера в журнале «Натуралистъ» (1865 г.), в которой жизнь русского тарантула была исследована в мельчайших подробностях, рассеивающих старые мифы [3, с. 136]. Членистоногое названо «образцом чадолюбия» [11, с. 102], в издании под редакцией проф. С.И. Залесского утверждается, что этого паука нельзя считать исключительно опасным [25, с. 1141]. К одиночеству, свободе и счастью стремился «очеловеченный» тарантул в воображении одного автора [2, с. 229]; И.К. Тарнани напоминает, что нет никаких достоверных сведений о смертях от укуса этого паука [66, с. 43]. Свет образованности проник и в художественную литературу: Авенариус в

произведении «Во львиной пасти» (1895) уверен – хелицеры тарантула способны оставить лишь припухлость [1, с. 178].

Значимым этапом на пути «реабилитации» тарантула стало издание школьной учебной литературы, поэтапно развеивающей мрачную легенду. При этом использовались достижения как отечественной, так и зарубежной научной мысли. В итоге в школьном учебнике появился такой пассаж (1882): укус европейского тарантула безвреден [45, с. 266]. Не последнюю роль в развенчании застарелых суеверий сыграла общедоступная «Большая энциклопедия», где стереотип об особой опасности паука признается несостоятельным [6, с. 287].

Знакомство с тарантулом началось для российской культуры не слишком многообещающе – с лечения укуса «таранта» в переводе Травника Любчанина. Затем был перерыв в «отношениях», который прервался в начале XVIII в., когда, благодаря естественнонаучным интересам Петра Великого, в русском языке впервые было использовано слово «тарантула». Со второй половины века оно соседствует с привычным нам «тарантул», тогда же термин перестает быть достоянием «ученого» знания, постепенно войдя в русскую художественную литературу. В XIX в. лексема активно применяется как метафора в философской мысли и публицистике. Связанная с восточными странами (где обретается это паукообразное) и войнами, она наполняется сумрачной символикой, но к концу столетия под давлением накопленных фактов тарантул начинает терять свой мистически-зловещий флер, превращаясь в обычное и в чем-то даже симпатичное ползучее членистоногое.

Список литературы:

1. Авенариус В.П. Собрание сочинений. М.: Терра, 1996. Т. 2. 621 с.
2. Алтаева М.В. В неволе и на воле (первые рассказы из жизни природы) // Литературные и естественнонаучные приложения к журналу «Нива». 1909. Т. 2. С. 229-232.

3. Банина Н.Н. Кесслер К.Ф. и его роль в развитии биологии в России. М.: АН СССР, 1962. 140 с.
4. Бируля А. О распространении обыкновенной сольпуги (*Galeodes araneoides* [Pallas]) в южных и юго-восточных частях европейской России // Русское энтомологическое обозрение. 1912. Т. 12. С. 296-312.
5. Богданов А.П. Зоология и зоологическая хрестоматия. М.: Грачев и Ко, 1862. Т. 1. 909 с.
6. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний. СПб.: Просвещение, 1904. Т. 18. 794 с.
7. Борнс А. Путешествие в Бухару: Рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора. М.: Университетская тип., 1849. Ч. 3. 628 с.
8. Брем А. Жизнь животных / Предисл. и комм. М.С. Галиной, М.Б. Корниловой. М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО «Красный пролетарий», 2004. 1192 с.
9. Броневский В. Письма морского офицера. М.: С. Селивановский, 1825. Ч. 1. 270 с.
10. Булгарин Ф.В. Полное собрание сочинений. СПб.: М.Д. Ольхин, К. Жернаков, 1843. Т. 5. 249 с.
11. Вагнер В. Материнское чувство животных и человека // Северный вестник. 1894 (девятый год). № 4 (апрель). С. 95-118.
12. Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 гг. СПб.: Тип. мор. м-ва, 1872. 797 с.
13. Волконский А.Н. Рим и Италия средних и новейших времен. М.: Университетская тип., 1845. Ч. 1. 334 с.
14. Генслер И.С. Жизнь кота Василия Иваныча (рассказанная им самим) // Библиотека для чтения. 1863. Ноябрь. С. 1-37.
15. Глинкина Л.А. Этимологические тайны русской орфографии: Словарь-справочник. М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2006. 381 с.
16. Горький М. Полное собрание сочинений. М.: Наука, 1974. Т. 22. 683 с.
17. Греч Н.И. Учебная всеобщая география. СПб.: В тип. Издат., 1838. 523 с.

18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. Т. 4. 704 с.
19. Данилевский Г.П. Сочинения. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. Т. 8. 405 с.
20. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. СПб.: Тип. Пантелеевых, 1883. 404 с.
21. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. СПб.: Тип. Пантелеевых, 1882. Т. 7. 607 с.
22. Епишкин Н.И. Тарантул [Электронный ресурс] // Исторический словарь галлицизмов русского языка. Академик [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3CIx9d2> (дата обращения: 10.09.2022).
23. Еськова Н.А. Нормы литературного языка XVIII-XIX вв.: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 960 с.
24. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. М.: Изд-во Об-ва распространения полезных книг, 1865. Т. 2. 277 с.
25. Залесский С.И. От редактора // Самообразование. 1901. № 36. С. 1141.
26. Значение слова «тарантул» [Электронный ресурс] // Картаслов.Ру [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3MgOPzE> (дата обращения: 10.09.2022).
27. Зрелище природы и художеств. СПб.: Императорская Академия Наук, 1784. Ч. 3. [100] с.
28. Зуев Н.И. Иллюстрированная популярная физическая география. СПб.: И.А. Поляков, 1873. Ч. 1. 336 с.
29. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX вв. М.: Наука, 1981. 374 с.
30. Кизеветтер А.А. Исторические портреты. М.: Юрайт, 2017. 416 с.
31. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. М.: Языки славянских культур, 2010. Вып. 2. 512 с.

32. Королева М.А. О происхождении слова «тарантелла» [Электронный ресурс] // Российская газета. 17.08.2011. URL: <https://bit.ly/3elrtwb> (дата обращения: 10.09.2022).
33. Краснов А. Геоботанические исследования в калмыцких степях (читано 6 ноября 1885 г.) // Известия Императорского Русского географического общества. 1886. Т. 22. С. 1-52.
34. Крупская А. Воспоминания Крымской войны. СПб.: Тип. И. Огризко, 1861. 762 с.
35. Крылов И.А. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 1. 471 с.
36. Лепехин И.И. Дневные записки доктора и Академии наук адъюнкта. СПб.: Императорская Академия Наук, 1795. Ч. 1. 537 с.
37. «Литературная газета» А.С. Пушкина и А.А. Дельвига 1830 г. (№ 1-13) / Ред. В.Н. Касаткина, Т.К. Батунова. М.: Советская Россия, 1988. 256 с.
38. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов. М.: Всесоюзная книжная палата, 1958. Т. 3. 415 с.
39. Мещерский В.П. Из недавнего прошлого Петербурга. СПб.: Тип. В.П. Мещерского, 1895. Ч. 3. 249 с.
40. Михельсон А.Д. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М.: Тип. Бахметева, 1869. 560 с.
41. Мушкатина В.Н. Омографы. Словарь. М.: Перо, 2020. 518 с.
42. Нарская Е. (Шаликова Н.П.) Семейство Булатовых (окончание) // Русский вестник. 1873. Т. 105. С. 60-122.
43. Нового вояжирова лексикона на французском, немецком, латинском и российском языках. СПб.: Академия Наук, 1764. Ч. 2. 1282 с.
44. Новый словотолкователь. СПб.: Императорская Академия Наук, 1804. Часть 2. 964 стб.
45. Очерк зоологии. С французского учебника Поля Бэра, переделанный для русских детей и школ. СПб.: Н.П. Вагнер, 1883. 348 с.

46. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Императорская Академия Наук, 1773. Ч. 1. 774 с.
47. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Общественная польза, 1862. Т. 1. 578 с.
48. Пименова Э. Гипнотизм в истории // Мир Божий. 1893. Август. С. 158-187.
49. Погосский А.Ф. Темник. Рассказ проезжего // Современник. 1859. № 7 (июль). С. 203-232.
50. Полевой П.Н. Художественная Россия: Общедоступное описание нашего отечества. СПб.: Изд. П.Н. Полевого, 1884. 400 с.
51. Полный латинский Геснеров лексикон. М.: Университетская тип., 1796. Ч. 2. 3878 стб.
52. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб.: Изд. кн. скл. В.А. Березовского, 1888. Т. 3. Вып. 1. 748 с.
53. Потто В.А. О степных походах // Военный сборник. 1873. № 5 (май). С. 5-36.
54. Происхождение слова «таран» [Электронный ресурс] // Этимологические онлайн-словари русского языка [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3Mp9C4b> (дата обращения: 10.09.2022).
55. Происхождение слова «тарантул» [Электронный ресурс] // Этимологические онлайн-словари русского языка [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3SM0yIV> (дата обращения: 10.09.2022).
56. Пузино П.И. Взгляд на суеверие и предрассудки. СПб.: Императорская Академия Наук, 1834. 336 с.
57. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй и последний. Петроград: [Б.и.], 1915. 516 с.
58. Семенов П. Несколько страничек из жизни казаков ст. Слепцовской Сунженского отдела, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1893. Вып. 16. С. 162-210.

59. Словарь Академии Российской. СПб.: Императорская Академия Наук, 1793. Т. 4. 1272 стб.
60. Словарь русского языка XI-XVII вв. (СлРЯ). М.: Наука, 1982. Вып. 9. 357 с.
61. СлРЯ. М.: Наука, 1988. Вып. 14. 311 с.
62. СлРЯ. М.: Наука; Азбуковник, 2011. Вып. 29. 480 с.
63. Соколов А.П. Летопись крушений и пожаров кораблей русского флота, от начала его по 1854 гг. СПб.: Императорская Академия Наук, 1855. 365 с.
64. Соловьев П.В. Домашний лечебник. Наставление к употреблению гомеопатических средств в отсутствии врача. СПб.: В. Фрейман, 1883. 431 с.
65. Справочный энциклопедический словарь. СПб.: Изд. К. Крайя, 1848. Т. 10. 692 с.
66. Тарнани И.К. Наши ядовитые животные. СПб.: И.Н. Скороходов, 1907. 129 с.
67. Туманский Ф.О. Описание путешествия графа Фалкенштейна в мае месяце 1780 г. // Академические известия на 1780 г. СПб.: Академия Наук, 1780. Ч. 5. С. 471-532.
68. Ушинский К.Д. Детский мир и хрестоматия. Книга для классного чтения. СПб.: И.И. Глазунов, 1869. Ч. 2. 447 с.
69. Цитаты из русской классики со словом «тарантул» [Электронный ресурс] // Картаслов.Ру [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3RLpM9g> (дата обращения: 10.09.2022).
70. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Эстетика и поэзия. СПб.: В.А. Тиханов, 1893. С. 1-108.
71. Чудинов А.Н. Тарантул [Электронный ресурс] // Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Академик [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3SOIWNS> (дата обращения: 10.09.22).
72. Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб.: О.Н. Попова, 1895. 1098 с.

73. Шетэля В.М. Историко-этимологический словарь русской лексики конца XVIII-XIX вв. М.: Прометей, 2014. Т. 2. 494 с.

74. Шнейдер П.И. О лечении болезней, происходящих от сильнодействующих средств и о судебно-врачебном осмотре потерпевших вред от оных. М.: Университетская тип., 1825. 554 с.

75. Шуберт Г.Г. Руководство к естественной истории. Дерпт: Г. Лаакманн, 1841. Ч. 2. 380 с.

76. Bapst M. Giftjagendes Kunst- u. Hausbuch. Leipzig: Zacharias Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt, 1591. 371 S.

77. Geographisch-statistisches Zeitungs-Post-und Comtoir-Lexicon. Leipzig: Hinrichs, 1821. Т. 8. 1202 S.

78. Louffenberg H. von. Versehung leib: Sell eer und gutt. Nuremberg: W. Huber, 1509. [63] S.

79. Rank J. Neues Taschenwörterbuch der böhmischen und deutschen Sprache. Prag: Bohemia, 1875. Bd. 1. 1016 S.

80. Shakespeare W. Tragedy of King Richard the Third. New York: Harper & Brothers, 1891. 256 p.

81. Tarant [Электронный ресурс] // Słownik etymologiczny języka polskiego. Wikisource.org [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3Vgx7k7> (дата обращения: 10.09.2022).

82. Tarant [Электронный ресурс] // Frühneuhochdeutsches Wörterbuch [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3fHn335> (дата обращения: 10.09.2022).

Сведения об авторе:

Богатырев Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Тольятти, Россия).

Data about the author:

Bogatyrev Arseniy Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher (Togliatti, Russia).

E-mail: sob1676@yandex.ru.